

«ИНЕТ» КАК ИДЕАЛЬНОЕ СРЕДСТВО РАЗРУШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Е.Л. Антонова, г. Белгород, Россия

По меткому замечанию И -культурные организмы. Инициированная урбанистическим Западом глобальная «конструкция-деконструкц. Шафаревича, главными антагонистами в мировой истории становятся «город» и «деревня» как разные социально ия» мировой цивилизации удивительным образом напоминает «*второй акт*» столкновения «города» и «деревни», впервые описанного О. Шпенглером в «Закате Европы» (в этот контекст попадает перманентное противостояние западного («город») и «не-западного» (славянский как «деревенский» мир в их числе) культурно-цивилизационных миров). Возникшее из противостояния «урбанистической» («присваивающей») и «традиционной» («производительно-созидающей») систем мироустройства, нынешнее столкновение «города» и «деревни» порождает не только потрясения и конфликты – предвестники хантингтоновского «столкновения цивилизаций», но и экзистенциально отмеченную проблему выбора: что взять современному человечеству в будущее – «созидательное» действие (славянская цивилизация) или действие «потенциальное» (западная цивилизация), под благовидными предложениями разрушающее создаваемое. Такая постановка проблемы не кажется фантастическим вымыслом философов и культурологов: под «демократической» личиной «добра», глобальная «конструкция-деконструкция» направлена на уничтожение не «деревни», а «традиционных классов» как «гомо сакеров» [1]. С этой целью в «не-западных» обществах искусственно насаждается мультикультурализм, что позволяет не только воспроизводить внутри них «народ исключенных», но и погрузить в «голую жизнь» «население третьего мира» [1]. В условиях, когда 1) понятие «третьего мира» становится экстерриториальным, 2) глобальный финансовый кризис приводит к увеличению числа «исключенных», 3) вероятность того, что «топосы третьего мира могут возникнуть ... повсюду» [2] и начнут восприниматься как норма постоянно возрастает, – существует опасность, что «потенциально почти все люди попадают в эту жуткую зону неразличимости голой жизни» [2]. И если в «макрокультурном измерении» эта участь урбанистическим Западом отведена «деревенской» России, то на «микроуровне» самой России сказанное имеет прямое отношение к провинции и глубинке – аналогу «деревни». Эта перспектива на интуитивном уровне улавливается трансформируемым обществом, что в специфических «формах» «визуализации» находит выход в поисках «иной» идентичности.

Трагедия состоит в том, что «стратегия» мультикультурализма в означенном ракурсе с позиций «антропологического кризиса» никем не

рассматривается. Это при том, что процесс все большей «сегментации социума» по разным (этническим, культурным, групповым, гендерным) признакам как средство дифференциации общества в искусственно создаваемых мультикультурных обществах с «односторонней» демократией, чреват опасными последствиями: с одной стороны – мультикультурализм как «искусственное объединение ... мелких (*маргинальных* – Е.А.) групп в более крупные условные сообщества» [3] становится средством «навешивания новых ярлыков» на все «традиционное», с другой – мультикультурализм выступает как инструмент идеологического, политического, психологического и культурного давления «*нетрадиционалистских*» меньшинств на «*традиционалистское*» большинство, что, в конечном итоге, ведет к тому, что границы между «своим» и «иным» будут становиться все менее проницаемыми, а это – прямой путь к новым типам «сегрегации» и изоляции. Именно это противоречие, как «символическое» столкновения мироощущений «города» (среды возникновения «нетрадиционалистских» меньшинств) и «деревни» (материнского «лона» традиционного большинства), находит выражение в поиске «альтернативной истории».

Одной из ключевых «технологий» «конструкции-деконструкции» мировой цивилизации становится «Инет». В частности, через социальные сети «не-западному миру» навязываются ложные идеи и цели, а западному обществу – «экзистенциально-психологические» доминанты, формирующие «человека массы», не способного к конструктивному культурному творчеству (Ж. Делез, Ж. Бодрийяр), отчего на фоне «массового существования» и гиперактивности сообществ с ликвидирующейся, нейтральной, скрытой или внезапно возникающей идентификацией наблюдается «затухание» деятельности созидательной направленности, резкое снижение качества межличностных отношений и «межкультурных» связей. Более того, новейшие «интернет-технологии» трансформации масс, направленные на создание глобальной «информационной массы» как новой культурной модификации человека, зависимого от «массовых стратегий» информационного общества, навязываются повсеместно под видом «общечеловеческих» ценностей. Одной из таких «ценностей» и выступает «мультикультурализм», в разных «моделях» репрезентируемый в западном и не-западном мире. Именно в этом контексте, «Инет», формирующий особый тип человека – *homo manipulated* (человека манипулируемого), становится идеальным средством разрушения национальной идентичности.

Литература:

1. Агамбен, Д. *Homo sacer: суверенная власть и голая жизнь. «Европа»*. / Д. Агамбен. – М., 2011;

2. Смирнов, К.С. Homo sacer: к вопросу о праве на жизнь в условиях антропологического кризиса / К.С. Смирнов, А.Ю. Барсковская // Философия права. – 2012. – № 2 (51);

3. Мультикультурализм: порождение или альтернатива глобализации // Глобализация и мультикультурализм. – М., 2005.

СМЕРТЬ КАК ЦЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ

А.Д. Балика, З.С. Балика, г. Нижний Новгород, Россия

Проблема смерти является вечной и всегда актуальной проблемой в философии. В современном «Философском словаре» (2009) дается следующее определение смерти: «Смерть - необратимое прекращение деятельности организма, необходимый и существенный момент жизни. Для человека, наделенного сознанием и поэтому сознающего свою смертность, смерть выступает не только в качестве природного феномена, но и как явление социально и нравственно значимое, включенное в сложный контекст общественных отношений»[11]. Более четкое выделение двух подходов к смерти осуществил В.Д. Губин: «Смерть – это не только конец жизни, но и неотъемлемая сторона жизни, «постоянное предельное самоиспытание», «возможность перехода в иную интенсивность жизни»[1, с.247], необходимое условие прогрессивного развития человека или его деградации. Эти два подхода к смерти предполагают друг друга. От того, как взаимодействуют жизнь и смерть в процессе существования человека, зависит и то, какова будет его окончательная смерть. По нашему мнению, именно учитывая взаимосвязь этих подходов, а также рассматривая смерть как систему, включающую в себя разные уровни организации (биологический, психологический и социальный), находящиеся в иерархической зависимости, можно приблизиться к пониманию сущности смерти и ее ценности.

В ходе истории возникали различные представления о смерти. Так, Сократ называл смерть сладким вечным сном. Платон же считал, что душа, освободившись от тела, приобретает способность гораздо лучше мыслить и чувствовать. Стоики утверждали, что надо бояться не смерти, а недобродетельной жизни. По их мнению, бесстрашие перед лицом смерти – одно из главных достоинств человека. Эпикур, в свою очередь, полагал, что человек «не встречается» со смертью, поэтому ему нечего ее бояться. В средневековой философии смерть воспринималась как начало новой жизни, несущей либо вечное блаженство, либо вечные муки – в зависимости от того, насколько праведным и одухотворенным было земное существование человека. Можно приводить многочисленные примеры различных высказываний о смерти.

В XX веке появляются новые представления о жизни и смерти человека, часто противоречащие друг другу. Так, А. Камю считал, что раз